
Дмитрий Уотич
Редактор для злодейки.
Одна звезда

Дмитрий Уотич

Редактор для злодейки. Одна звезда

https://litres.ru/74722344
SelfPub; 2026

Аннотация

Книга вышла, и теперь каждый отзыв бьёт по тем, кого Алиса любит. Одна звезда превращает герцога в картонную фигуру, слово «бесит» тенью ложится на служанку, а над миром вырастает серый штамп «Удалено».

Чтобы спасти героев, Алисе придётся ответить на самый злой отзыв, пройти сквозь забытые книги и посмотреть в глаза тому, кто решает, каким историям жить. А ещё выяснить, кто такой Рейтинг: безжалостный алгоритм или маленькая девочка, которой никто не ставил пятёрок.

Где граница между заботой и властью? Можно ли спасти того, кто просит покоя? И что сильнее корпорации с миллиардными бюджетами: цифры или миллионы читателей, которые вслух читают одну страницу?

Продолжение «Редактора для злодейки»: юмор, нежная романтика и книги, которые читают книги.

Содержание

Глава 1. Одна звезда 4
Глава 2. Канцелярия жалоб и слов 12
Глава 3. Пять тысяч за герцога 21
Глава 4. Хрустальная душа 30
Глава 5. Мастер 40
Глава 6. Читательский вес 48
Глава 7. Письмо 58
Глава 8. Окно номер три 67
Глава 9. Те, кого стёрли 77
Глава 10. Серые дожди 86
Глава 11. Отличница 95
Конец ознакомительного фрагмента. 96

Дмитрий Уотич
Редактор для злодейки. Одна звезда

Глава 1. Одна звезда

Книга вышла в мае, а к июню Алиса научилась не обновлять страницу чаще раза в час.

Она сидела на кухне с ноутбуком, пока мама гремела сковородками у плиты, и честно пыталась читать отзывы без выражения лица. Лицо всё равно жило своей жизнью. На «Литресе» у «Редактора для злодейки» было двести сорок оценок, четыре и семь в среднем, и комментарии, от которых хотелось то плакать, то прятаться под стол.

«Каэль мой муж, прошу не трогать».

«Мирабель заслуживает отдельной книги, верните её».

«Король Ориан гений. Скучный король лучше всех умных».

«Я смеялась над запятой и плакала над абзацем про Лиару. Автор, как вы это делаете?»

Автор пока не знал, что ответить. Автор перечитывал последний отзыв в третий раз и украдкой смахивал что-то со щеки.

— Алиса, — мама поставила перед ней тарелку и села на-

против, — ты ешь или пишешь?

— И то и другое.

— Это вредно для пищеварения.

— Это вредно для самооценки. Я читаю отзывы.

— Хорошие?

— Почти все.

— А ты читаешь плохие.

— Я читаю «почти все», мам.

Мама вздохнула, подвинула ей хлеб и ничего не добавила. Она вообще изменилась за этот месяц: стала мягче, терпеливее, чаще улыбалась. Или, может быть, просто Алиса теперь слышала её голос по-другому. Каждый вечер он звал её ужинать, и каждый вечер она отвечала «иду» и шла сразу, не откладывая. Это было самое простое чудо, какое с ней случалось, и самое дорогое.

В вазе на подоконнике, среди сухих веток вербы, лежало маленькое зелёное яблоко с кислым бочком. Оно не гнило и не сохло с той самой ночи. Мама сначала подозрительно косилась на него, потом махнула рукой.

Алиса вернулась к экрану.

С конца апреля она много раз пробовала вернуться. Открывала последнюю страницу, читала запятую, которой кончалась книга, закрывала глаза и ждала. Ничего не происходило. Дверь, которую обещал Дорофеев, оставалась закрытой, или ей просто не хватало чего-то, чего она не могла назвать. Резник за два дня до релиза подал заявление об ухо-

де, оставил на столе ключи и пропал; телефон его не отвечал. Лев Михайлович умер двенадцатого мая, во сне, и Алиса узнала об этом из письма его дочери. В письме было одно предложение: «Папа сказал, что у него всё хорошо, и просил не волноваться».

Она не волновалась. Но скучала так, что иногда ловила себя на том, что ищет в толпе человека в чёрном мундире, который заложил бы руки за спину.

Курсор мигнул на следующем отзыве.

Пользователь: Ксюша_читает. Оценка: #####.

«Зря потратила 149 рублей. Героиня самодовольная, Эльвира нытик, герцог картонный, служанка бесит. Концовка слита, запятая в конце это бред. Автор не умеет писать. Не рекомендую».

Алиса прочла это один раз.

Потом второй.

Ничего особенного. Каждая книга получает такие отзывы. Редактор в ней знал это и мог бы повторить как мантру: *критика это тоже читатель, критика это тоже читатель*.

Но на слове «картонный» запястье вспыхнуло.

* * *

Не больно, нет. Скорее как от крапивы: короткий горячий укол, быстрый и неприятный. Алиса отдёрнула руку от клавиатуры и посмотрела на кожу.

Там, где ещё недавно светилась белая линия пера, горела красная.

Тонкая, аккуратная, будто её выжгли раскалённой иглой. Не запятая и не полоса. Маленькая звёздочка о пяти лучах.

— Мам, — сказала Алиса почти спокойно, — у меня тут странная аллергия на ноутбук.

— Какая?

— Звёздчатая.

Мама подошла, посмотрела, потрогала, нахмурилась.

— Это ожог. Сейчас принесу мазь.

— Не надо.

— Надо.

Пока мама рылась в аптечке, Алиса быстро выглянула на подоконник.

Яблоко потемнело.

Не гнило, не рассыпалось, но кожура на зелёном боку стала бурой, как лепестки лилии в храме, и от него шёл слабый, едва уловимый запах осенней гнили. Она сняла его с ветки вербы и положила на ладонь. Яблоко было тёплым.

— Тильда, — прошептала она.

Телефон на столе завибрировал.

Звонил неизвестный номер. Алиса схватила его, прежде чем успела подумать, и поднесла к уху.

— Алиса Андреевна, — произнёс знакомый сухой голос. — Простите за беспокойство. Надеюсь, не отвлёк.

— Виктор Эдуардович?

— Просто Виктор. Теперь я, строго говоря, библиотекарь.

В трубке потрескивало, будто звонили из глубокого ко-

лодца. Где-то на заднем плане слышался шелест страниц и тихий, ровный стук часов.

— Вы пропали, — сказала Алиса.

— Меня позвали. Я не мог не прийти. — Он помолчал. — У нас проблема. Серьёзная.

— Какая?

— Отзывы.

Она медленно села.

— Вы про это? — Она показала запястье пустой кухне, где не было никого, кроме маминой спины. — Про звёздочку?

— Вы уже чувствуете. Хорошо, значит, связь сохранилась. — Голос Резника звучал спокойно, но в нём была та осторожная интонация, с какой врачи сообщают плохие новости. — Алиса Андреевна, как только книга вышла, в Лироне начало происходить нечто странное. Над головами людей появились слова.

— Слова?

— Отзывы читателей. Не весь текст, обрывки. Над Тильдой повисло: «служанка бесит». Над королём: «слишком много пирожных». Над Бранном: «картонный старик». — Он перевёл дыхание. — Они не просто висят. Они действуют. Тильда плачет третий день, не знает почему. У Бранна онемели руки. У герцога…

— Что у герцога?

Пауза.

— Над герцогом висит «картонный». И единственная

звезда.

Алиса встала так резко, что стул отъехал и ударился о холодильник.

— Что значит «единственная звезда»?

— Это ваша ошибка, а не моя, — мягко сказал Резник. — Вы не учли, что книга теперь открыта. Закрытую книгу читатели оценивают снаружи. Открытую — изнутри. Каждая оценка, каждый комментарий, каждая звезда это удар или благословение. Пять звёзд лечат. Одна жжёт. А у нас сейчас идёт волна.

— Какая волна?

— Скоординированная. Кто-то организовал накрутку. Тысячи одинаковых отзывов за ночь. «Картонный», «нытик», «бред». Литрес ставит их в очередь модерации, но пока они не удалены, они бьют по жителям.

В кухне пахло горелым хлебом. Мама стояла с тюбиком мази и тревожно смотрела на дочь.

— Что мне делать? — спросила Алиса.

— Вернуться.

— Я пыталась.

— Знаю. Вы не умели просто прийти. Но теперь есть способ, которого раньше не было. — Голос Резника стал тише. — Ответьте на отзыв.

— Ответить?

— На главный. Самый первый из волны. «Ксюша_читает». Ответьте автору этого комментария так, как отвечали

бы живому человеку. Не оправдываясь и не споря. Просто честно.

— И что?

— Тогда откроется дверь. — Он усмехнулся, и в голосе мелькнуло что-то почти человеческое. — Чем не издательская магия? Автор отвечает читателю, и читатель впускает.

* * *

Она написала ответ на мамином кухонном столе, пока на плите остывал суп.

Руки дрожали. Мазь, которой мама всё-таки намазала запястье, щипала кожу, и красная звёздочка под ней продолжала тихо тлеть. Алиса открыла форму ответа, сделала глубокий вдох и набрала:

«Здравствуйте, Ксюша.

Спасибо за честный отзыв. Мне жаль, что книга вас разочаровала. Вы правы: герцог бывает упрямым, служанка слишком добрая, а запятая в конце многим не нравится. Я знаю, что это странный выбор.

Но каждая из этих деталей для кого-то живая. Если у вас будет время, прочитайте ещё раз начало, там, где Каэль стоит у окна, заложив руки за спину. Возможно, вы заметите то, что я не сумела показать с первого раза.

Если же нет, всё равно спасибо. Хорошего вам чтения».

Она перечитала.

Исправила одну запятую, потому что не смогла иначе. Нажала «Отправить».

Экран вспыхнул белым.

— Алиса? — тревожно сказала мама. — Что с тобой?

— Всё хорошо, мам. Я скоро вернусь.

— Куда?

— К ужину, — ответила Алиса, и голос у неё дрогнул так, что она едва сумела договорить. — Я обещала. Я успею.

Белый свет заполнил кухню, и сквозь него, чёткие и ясные, как рисунок на стекле, проступили две строки, написанные знакомым почерком:

«Добро пожаловать обратно».

«Осторожнее, здесь теперь шумно».

Глава 2. Канцелярия жалоб и слов

Башня Архивов пахла так же: пылью, воском и сухой бумагой. Алиса стояла посреди круглой комнаты, держась за край конторки, и ждала, пока перестанет качаться пол.

— Не торопитесь, — сказал знакомый голос. — Первые минуты всегда неприятны. Организм не привык переходить из читательского тела в написанное.

Она открыла глаза.

Резник сидел в кресле у окна. Без пиджака, без галстука, в бордовом кардигане с заплатками на локтях, с очками на цепочке и чашкой чая в руках. Лицо у него было таким, какое бывает у человека, который сорок лет никуда не успевал, а теперь впервые никуда не торопится. Рядом на столике лежала стопка потрёпанных рукописей, перевязанных бечёвкой.

— Виктор Эдуардович.

— Просто Виктор. — Он слегка улыбнулся. — Добро пожаловать домой, Алиса. Это ведь теперь и ваш дом.

Она хотела ответить, но заметила того, кто стоял у окна.

Каэль не обернулся.

Он стоял там же, где она его оставила месяц назад: прямой, неподвижный, заложив руки за спину. Чёрный мундир. Тёмные волосы. Знакомый силуэт, которого ей так не хватало, что она на секунду забыла, как дышать.

— Каэль, — сказала она.

Он медленно повернул голову.

И Алиса замерла.

Лицо его было… плоским. Не уродливым и не больным, просто плоским. Тени на скулах стали ровными, как закрашенные одной краской. Складки у глаз исчезли. Глаза, серые, живые, внимательные, превратились в два тёмных кружка. Он двигался резкими, угловатыми движениями, точно кукла на ниточках.

— Алиса, — сказал он ровным голосом.

В этом голосе не было ничего: ни тепла, ни облегчения, ни привычной сдержанной ласки. Просто слово. Просто имя, произнесённое так, как диктор читает прогноз погоды.

— Это он? — тихо спросила она у Резника.

— «Картонный», — так же тихо ответил тот. — Седьмого июня комментарий набрал сто лайков. Герцог потерял половину эмоций за один день.

— Половину?

— Он старается. Видите? — Резник кивнул на Каэля. — Он помнит вас. Помнит всё. Просто не может это выразить. Как человек, у которого отнялась мимика.

Алиса шагнула к окну. Каэль не двинулся.

— Это больно? — спросила она.

— Нет. — Голос ровный. — Это пусто.

— Ты узнаёшь меня?

— Да.

— Рад?

— Я не знаю. — Он повернул к ней плоское лицо, и в серых кружках на секунду мелькнуло что-то настоящее: тоскливое, живое, глубоко спрятанное. — Но я хочу.

У Алисы защипало в глазах. Она подняла руку и осторожно коснулась его щеки. Кожа была тёплой, живой, настоящей. Только текстура будто стала глаже, как у бумаги.

— Мы это исправим, — сказала она.

— Я знаю.

— Откуда?

— Ты всегда исправляешь.

Это был самый длинный монолог, который он произнёс за три недели, и Резник тихо кашлянул, делая вид, что смотрит в окно.

* * *

Звёздочка на запястье чуть вспыхнула.

— Это связь, — пояснил Резник, заметив её жест. — Шнур ушёл, но половину цены вы по-прежнему делите. Всё, что бьёт по нему, чувствуете и вы. Поэтому не удивляйтесь, если в ближайшие дни тоже станете чуть… однообразнее.

— Я уже, — призналась Алиса. — На кухне перестала узнавать запах хлеба.

— Ах да. — Он сочувственно качнул головой. — Это «слишком много воды». Дурацкий отзыв. Двести лайков.

Она посмотрела на дверь.

— Покажите мне остальных.

— Идёмте.

Они спустились во двор: Резник впереди, шаркая тапками из овчины, Каэль сзади, механическим шагом. Утро выдалось тёплым, яркое июньское солнце заливало дворцовые стены, но Алисе показалось, что краски чуть тусклее, чем были. Серые камни, зелёная трава, голубое небо: всё будто чуть-чуть недокрашено.

У главных ворот, где раньше стояли только караульные, теперь возвышалась странная постройка: деревянный павильон под навесом, обитый зелёным сукном, с вывеской, написанной аккуратным почерком: **«Канцелярия жалоб и слов. Приём с 9 до 17. Перерыв на чай».**

Внутри за столом сидела Мирабель Вейл.

В строгом тёмном платье, с идеальной причёской, с пинцетом в одной руке и стеклянной банкой в другой. Вокруг неё на длинных полках стояли десятки таких же банок, подписанных чёткими ярлыками. Алиса подошла ближе и заглянула в ближайшую.

Внутри, свернувшись комочками, как мелкие серые мотыльки, шевелились слова.

«Бесит».

«Слишком много воды».

«ГГ ноет».

— Это то, что висело над горожанами, — деловито пояснила Мирабель, не поднимая головы. — Я придумала способ снимать. Пинцетом, осторожно, за кончик. Потом отправляю в банку. В банке слова не действуют. Они просто лежат.

— Она подняла глаза, и на её лице мелькнула усталая, но довольная усмешка. — Двенадцать банок за сутки. Рекорд.

— Мирабель, вы гений.

— Я просто не выношу беспорядка. — Она аккуратно закрутила крышку. — Но есть проблема. Слова возвращаются. Снимешь один, а через час на его месте вырастает другой. Это как сорняки.

— Потому что в сети всё время появляются новые отзывы.

— Я не знаю, что такое сеть, — сухо сказала Мирабель. — Но мне кажется, что дело именно в ней.

Позади, из-за ширмы, показалась Вика. Она была в простом сером платье и рабочем фартуке, волосы убраны под платок, а в руках она держала миску с горячей водой и тряпицей.

— Алиса! — Она бросила миску на стол и обняла её так, что захрустели рёбра. — Я думала, ты никогда не вернёшься!

— Я тоже.

— Здесь ужас. — Вика отстранилась и торопливо вытерла глаза. — У меня за три дня тридцать человек слегли. Не от болезни. От слов. Они приходят, садятся, а над головой: «скучно», «картонно», «шаблон». И они просто тускнеют. Я не могу помочь. Я больше не лечу, ты же знаешь. Только слушаю.

— Слушать тоже лечение.

— Это то, чего мы им сейчас не можем дать. Нужны не уши, а ответы.

В этот момент от кухни прибежала Тильда, и сердце у Алисы ёкнуло.

Над головой у девушки, тонкими серыми буквами, висело одно слово: *«Бесит»*. Тильда не видела его. Она просто шла, опустив плечи, с красными глазами, и когда заметила Алису, остановилась как вкопанная.

— Миледи.

— Тильда.

— Вы вернулись.

— Да.

Тильда всхлипнула и бросилась ей на шею. Алиса держала её, чувствуя, как вздрагивают худые плечи, и тихо шептала что-то бессмысленное, домашнее, как шептала бы сестре. Серое слово над головой Тильды колыхалось, как дым.

— Я не понимаю, что со мной, — глухо сказала Тильда ей в плечо. — Я просто плачу и плачу. Всё делаю как раньше, а внутри тяжело. Как будто я кому-то мешаю.

— Ты никому не мешаешь.

— Но почему тогда…

— Потому что кто-то далеко отсюда написал глупость. — Алиса отстранилась и взяла её за плечи. — Слушай меня. Ты лучшая служанка, какая когда-либо стояла в этом дворце. Ты спасла Тимо. Ты поймала Рэя. Ты придумала Орден чайной ложки. Это не «бесит». Это героизм.

Тильда моргнула.

Слово у неё над головой дрогнуло, потускнело и поползло

к краю, как пятно на мокрой бумаге.

— Работает, — тихо сказал Резник у них за спиной. — Живые слова действуют сильнее мёртвых. Вот в чём наше преимущество.

— Мало, — покачала головой Алиса. — Одной Тильде я помогла. А их тысячи.

— Вот именно.

* * *

Шум у ворот услышали все сразу.

Это был не крик и не грохот, а что-то среднее: возмущённый женский голос, который поднимался и падал, как волна. Караульные переглядывались. Мирабель встала из-за стола с пинцетом наготове.

— Это кто? — спросила Алиса.

— Не знаю, — ответил Резник и впервые за утро нахмурился. — Это не наша.

Они вышли за ворота.

Посреди дороги, у шлагбаума, стояла девушка в мешковатом сером худи с капюшоном и в джинсах с дырками на коленях. Лет двадцати. Короткие рыжеватые волосы торчали в разные стороны, на носу краснели веснушки, а в руке она сжимала светящийся прямоугольник телефона, который здесь казался совершенно неуместным.

Двое стражников в растерянности скрестили алебарды перед ней, но девушка только отмахивалась.

— Да не троньте меня! Я не хочу ничего покупать! Я про-

сто хочу поговорить с автором! Где тут администрация? Мне нужен возврат средств!

— Леди, — начал один из стражников, красный от смущения, — мы не понимаем…

— И не надо понимать! Просто пустите!

Алиса остановилась в трёх шагах.

Над головой девушки, там, где у других висели серые слова, не было ничего. Только лёгкий, едва заметный отблеск, как рябь на поверхности пруда. И сквозь этот отблеск, чётко, как набранная на экране строка, проступало одно слово:

«Ксюша».

Девушка резко обернулась.

Взгляд у неё был красный, возмущённый и такой растерянный, что Алиса, несмотря ни на что, почувствовала укол жалости.

— Вы автор? — спросила Ксюша.

— Я.

— Вы мне ответили!

— Да.

— Вы вообще понимаете, что вы натворили? — Голос у неё срывался. — Я нажала на «отправить» и меня засосало в какую-то… какую-то… — Она махнула рукой на дворец за спиной Алисы. — Куда вы меня притащили?!

Каэль, стоявший чуть позади, тихо, без интонации, констатировал:

— Она похожа на вас.

— Не говори так, — шепнула Алиса. — Она услышит.

— Она уже слышит.

Ксюша подняла на него глаза и вдруг, неожиданно для себя, замолчала. Потом очень медленно спросила:

— Погодите. Это что… Это герцог?

— Каэль Аверн, — сказал он ровно.

— Но… он же… — Она запнулась, сглотнула, и на её лице впервые мелькнуло что-то другое, кроме возмущения. — Он же должен быть совсем другим. Он должен… Мне казалось, что…

— Что?

Ксюша опустила телефон.

— Что вы его не дописали.

Вокруг стало очень тихо.

Алиса молчала. Резник тоже. Только где-то в вышине, под самым небом, тонко и жалобно звенели невидимые нити.

Глава 3. Пять тысяч за герцога

Ксюшу усадили на скамью в тени дворцовой стены и дали стакан холодной воды.

Она пила жадно, обеими руками, словно с самого утра не видела ничего, кроме экрана. Телефон лежал рядом на камне, и по нему то и дело пробегали уведомления: короткие вспышки, от которых Ксюша каждый раз вздрагивала и отворачивалась.

— Я не злая, — сказала она наконец. — Вы не думайте.

— Я не думаю, — ответила Алиса, присаживаясь рядом.

— Но вы же прочитали отзыв.

— Прочитала.

— И там было всё неправда.

Алиса не сразу нашла что сказать. Над головой у Ксюши по-прежнему дрожала лёгкая рябь, и сквозь неё проступали буквы: имя, а под ним, мельче, ещё что-то, неразборчивое, как строчка на запотевшем стекле.

— Тогда расскажите, как было на самом деле, — мягко сказала она.

Ксюша потёрла лицо ладонями.

— Я читала вашу книгу трое суток. Не отрываясь. Знаете, как бывает, когда садишься на «одну главу» и вдруг на улице уже светло? — Она шмыгнула носом. — Я плакала над Лиарой. Три раза перечитала. Потом заснула с телефоном на

груди. А утром мне пришло задание.

— Задание?

— Я работаю в «Читательском центре». — Она произнесла это тихо, не поднимая глаз. — Так называется контора. Нам присылают списки: какую книгу оценить и как. «Поставить одну звезду. Комментарий: героиня самодовольная, герцог картонный, служанка бесит». За каждый такой отзыв платят тридцать рублей. Если хорошо написал, пятьдесят. Я так подрабатываю уже год, чтобы оплачивать учёбу. У мамы со здоровьем плохо, надо помогать.

— И вы написали.

— Я сидела перед экраном и не могла. — Голос у неё дрогнул. — Я хотела поставить пять. Хотела написать, что это лучшая книга за этот год. Но если не отправить задание, спишут рейтинг в системе. А тогда не дадут новых заказов. Я нажала на «опубликовать» и сразу пожалела. Целый день не могла есть.

Она подняла голову, и у неё были красные, воспалённые глаза.

— А потом вы мне ответили. И я подумала: это же человек. Живой автор, который читает то, что я пишу. Я хотела извиниться. Просто нажала на «ответить», и…

— И вас втянуло.

— Да.

Резник, стоявший чуть поодаль с чашкой чая, тихо вздохнул.

— Классическая схема, — сказал он. — Накрутчики не знают, кому бьют. Они видят только цифры.

— А вы… — Ксюша подняла на него глаза. — Вы тот, кто в трубке звонил? Я слышала голос, когда меня тащило.

— Это я.

— Простите, — сказала она. — Я не хотела.

— Нас много кого не хотели, — сухо заметил Резник и отхлебнул чая.

* * *

Алиса посмотрела на Каэля.

Он стоял в нескольких шагах, прямой, неподвижный, с плоским лицом, и смотрел на Ксюшу так же ровно, как на любого другого человека. Но когда Ксюша тихо сказала «простите», что-то в его позе едва заметно изменилось. Плечи опустились на волос.

— Ксюша, — сказала Алиса. — Вы можете изменить свой отзыв?

— Что?

— Исправить. Поставить пять звёзд. Написать то, что вы на самом деле думаете.

— Но… — Ксюша растерянно посмотрела на телефон. — Это же нарушит задание. Мне не заплатят.

— Не заплатят, — признала Алиса. — Но, возможно, это единственный способ.

— Способ чего?

— Вернуть ему лицо.

Ксюша медленно перевела взгляд на Каэля. На плоское, ровное, закрашенное одним цветом лицо человека, которого она сама обозвала картонным.

Несколько секунд она молчала. Потом подняла телефон. Пальцы у неё дрожали, когда она нажимала на экран, и кончик языка высовывался от усердия, как у школьницы на контрольной.

— «Изменить отзыв», — пробормотала она. — Так. «Оценка». Пять. Нет, подождите, сначала текст.

Она долго печатала. Алиса не заглядывала через плечо, но видела, как Ксюша морщится, стирает, начинает заново. Наконец она закусила губу, выдохнула и нажала на кнопку.

— Всё.

Секунду ничего не происходило.

Потом воздух над головой Каэля дрогнул, как над раскалённым камнем. Серая надпись, которую Алиса до этого не замечала, хотя наверняка висела там всё время, на мгновение проступила чётко: *«Картонный. #####»*. А затем поползла трещинами, как ледяная корка на луже, рассыпалась на мелкие чёрные хлопья и растаяла.

Каэль вздрогнул.

Не сильно, но Алиса увидела: тени на его скулах стали глубже. Серые кружки глаз налились светом и снова стали настоящими. Складки у губ, которые она так любила, вернулись, мягкие и живые. Плечи вдруг стали просто плечами, а не картонными прямоугольниками.

Он медленно поднял руку и коснулся собственного лица.

— Алиса, — сказал он.

Голос был таким, как раньше: низким, чуть хриплым, тёплым, и Алиса, не успев ничего подумать, бросилась ему на шею.

Он поймал её. Поднял, прижал так, что у неё хрустнули рёбра, уткнулся лицом в волосы и долго, очень долго не отпускал. Ксюша, красная до ушей, отвернулась. Резник тактично уставился в стенку. Караульные у ворот вдруг очень заинтересовались собственными алебардами.

— Прости, — шептал Каэль ей в плечо. — Прости, что я не мог… Я хотел, правда. Я пытался сказать…

— Я знаю.

— Я скучал.

— И я.

— Я хотел написать тебе. Но не мог выразить. Ни одного слова. Ни одной…

— Тише. — Она отстранилась, обхватила ладонями его лицо. — Всё хорошо. Ты здесь.

Он поймал её запястья и вдруг нахмурился.

— Что это?

Алиса посмотрела вниз. Красная звёздочка на её руке потускнела, съёжилась и, на глазах уменьшаясь, превратилась в маленькое розовое пятнышко. Через секунду пропало и оно.

— Это связь, — сказала она. — Ты получил свободу, и я тоже.

— Один отзыв. — Он тихо улыбнулся. — Всего один.

— Да.

— А сколько их?

Алиса не ответила. Резник вместо неё, глядя в чашку, негромко сказал:

— Двадцать три тысячи.

* * *

Совещание устроили в Канцелярии жалоб и слов.

Мирабель освободила для них длинный стол, сдвинула банки со словами на дальний край и выдала всем перья и чистые листы, потому что «без записей любое обсуждение превращается в базар». Вика поставила чайник. Тильда, чьё серое слово над головой слегка поблёкло после разговора, принесла булочки, которые испекла, пока никто не видел.

Ксюша сидела в конце стола, съёжившись в своём худи, и держала телефон двумя руками.

— Расскажите про «Читательский центр», — попросила Алиса.

— Это… — Ксюша облизнула губы. — Это целая сеть. У нас чат. Там несколько тысяч человек, они сидят по всей стране. Каждый день приходят задания. «Эта книга сегодня топ, смыть её». «Эта новая, надо поднять». Мы просто ставим оценки. Нам никто не говорит зачем.

— А кто даёт задания?

— Администраторы. Их трое. Я видела только ники. «Чистая_Звезда», «Модератор_Лена» и «Мастер». — Ксюша

вздохнула. — Но над ними кто-то есть. Заказчик. Он пишет редко. Но когда пишет, все замолкают.

— Вы видели его?

— Ни разу. Я знаю только, что он пишет в чат ровно в девять вечера. Всегда. Как по часам.

Алиса бросила взгляд на песочные часы на столе у Мирабель. До девяти оставалось два часа.

— Мы можем это увидеть?

— Сегодня? — Ксюша испуганно посмотрела на телефон. — Он пишет в закрытый чат. Меня могут вычислить.

— Вас не вычислят, — сказал Резник. — У нас есть способ.

— Какой?

— Дорофеев оставил мне кое-что. — Он вынул из кармана кардигана маленькое зеркальце в серебряной оправе. — Это не телефон, но оно умеет читать чужие экраны. Если вы согласитесь…

Ксюша помолчала. Потом медленно кивнула.

— Я хочу всё исправить.

— Тогда останьтесь с нами.

— На сколько?

— Пока всё не закончится.

Она ещё секунду помедлила, потом решительно сунула телефон в карман худи и придвинула к себе булочку.

— Только можно я сначала поем? У меня всё внутри трясётся.

— Конечно, — сказала Тильда, и в голосе её впервые за день прозвучало что-то похожее на радость. — У меня ещё есть с корицей.

* * *

Ровно в девять Резник положил зеркальце на стол.

Они расселись вокруг него в сумерках: Алиса, Каэль, Вика, Мирабель, Тильда, Ксюша и сам Резник, как заговорщики на старой гравюре. За окном догорал июньский закат, и в Канцелярии горела единственная свеча.

Зеркальце потемнело, потом засветилось. Появился чат. Серый фон, неровный список сообщений, тысячи аватарок, мелькающие, как мошкара. Ксюша ткнула пальцем в одну строку.

— Вот. Вот сейчас.

В чате появилось сообщение. От пользователя с коротким ником: **«Хрустальная_Дева».**

«Результат неудовлетворительный. Один из ваших отозвал оценку. Усилить давление. Доплата за снос героя Аверна: 5000 рублей за один отзыв. Тема: «персонаж не работает, автор не справился». Срок: сегодня».

В Канцелярии стало тихо.

— Пять тысяч, — повторил Каэль. — Столько я стою?

— Не говори так, — сказала Алиса.

— Это очень лестно.

— Каэль.

— Мне казалось, что я стою дороже.

Мирабель закашлялась в кулак. Вика сжала губы, чтобы не рассмеяться. Но Алиса не смеялась. Она смотрела на ник на экране, и по спине у неё медленно ползла холодная струйка.

Хрустальная_Дева.

Она знала этот ник.

Не по чату. Из своей прежней жизни, из тех месяцев, когда они с Резником отбирали рукописи для весеннего списка. Автор бестселлера «Хрустальная душа». Автор шести продолжений. Автор, чьи книги три года подряд занимали верхние строчки рейтингов, и чей редактор однажды сказал Алисе за кофе: *«Если появится кто-то лучше неё, она его сожрёт»*.

Эвелина Арктик.

Резник, видимо, прочёл то же имя в её лице. Он снял очки, медленно протёр стёкла кардиганом и негромко произнёс:

— Конкурент.

Глава 4. Хрустальная душа

Книга Эвелины Арктик нашлась в шкафу Резника на третьей полке снизу, между «Справочником корректора» и сборником кроссвордов.

— Держу как память, — сухо пояснил он, снимая с полки толстый том в серебристой обложке. — Она принесла нам рукопись шесть лет назад. Я лично подписал договор. С тех пор «Хрустальная душа» кормит половину издательства.

Они сидели в Башне Архивов, в круглой комнате с приставными лестницами, где пахло старой бумагой. За окном шумел июньский дождь. Каэль стоял у двери, заложив руки за спину. Лицо у него теперь было живое, глаза серые, внимательные, и от этого Алисе было немного легче.

— Я иду с вами, — сказал он.

— Нельзя, — ответил Резник. — Читателям туда можно, персонажам нет. Чужая книга вас не примет.

— Тогда я подожду.

— Вы всегда ждёте.

— Привык. — Он едва заметно улыбнулся. — Это не худшее из занятий.

Алиса подошла и коротко коснулась его руки.

— Мы быстро.

— Не быстро. Осторожно.

— Хорошо. Осторожно, но быстро.

Он покачал головой, но руку не отнял.

Резник положил книгу на стол, открыл на первой странице и жестом пригласил Алису взять его за ладонь. Она ощутила прохладные сухие пальцы человека, который слишком долго держал в руках чужие рукописи.

— Читаем вслух, — сказал он. — Первую фразу. Как в прошлый раз.

— Это работает с любой книгой?

— С любой, которую кто-то любит. Эту любят многие.

Они прочли хором:

— «Хрусталь звенел».

* * *

Первое, что поразило Алису, был свет.

Он лился отовсюду: сверху, снизу, из стен, из земли, из воздуха. Белый, звонкий, сверкающий, как огни в витрине ювелирного магазина. Она моргнула и обнаружила, что стоит на лугу, состоящем из хрусталя. Каждая травинка переливалась гранями, цветы сияли, словно отлитые из стекла, а над головой простиралось небо цвета «жидкого сапфира, пронизанного нитями расплавленного серебра и мерцающей слюдой первых рассветных звёзд».

— Это фраза из книги, — прошептал Резник, прикрывая глаза ладонью. — Они тут все так говорят.

— Как?

— Будто пишут с оплатой по числу прилагательных.

Рядом по хрустальной дорожке шла девушка в платье, ко-

торое «струилось, как лунный водопад по склону сапфировой горы». Волосы у неё были «цвета расплавленного золота, пропущенного сквозь тончайшее сито нежных мечтаний». Заметив гостей, она остановилась, прижала ладони к груди и выдохнула:

— О, странники, чьи души столь же чисты, как роса на лепестках утренней розы, а сердца столь же глубоки, как тайные озёра, спрятанные в самом сердце северных гор! Позвольте представиться: я Кристалина. Я не такая, как все.

— Кристалина, — вежливо сказала Алиса, — мы ищем…

— Я не такая, как все, — повторила девушка, и глаза её наполнились слезами. — Я чувствую то, чего другие не чувствуют. Я вижу то, чего другие не видят. Я не такая, как все.

— Мы поняли.

— Я не такая, как все!

Резник наклонился к уху Алисы.

— Она скажет это ещё семнадцать раз, — прошептал он. — Я считал.

* * *

Через десять минут Алиса заметила, что её речь меняется.

Сначала она не поняла. Она шла по дорожке, держа Резника под руку, и пыталась объяснить Кристалине, что ищет женщину, которая «хозяйничает в этих краях». Но слова выходили странные, длинные, чужие.

— Мы ищем ту, чья воля, подобная невидимому ветру, дующему над бескрайними просторами сверкающих долин,

управляет сим великолепным миром! — услышала она собственный голос.

Алиса замолчала, ужаснувшись.

— Это заразно, — спокойно сказал Резник. — Через полчаса вы начнёте описывать свою обувь.

— Мои сапоги?

— «Сапоги, сшитые из кожи редчайших горных ланей, тёплые, как объятия любимой бабушки в канун Рождества».

— Господи.

— Именно. — Он поправил очки. — Молчите. Или говорите очень коротко. Три слова на предложение. Лучше два.

— Идём. — Алиса стиснула зубы. — Быстро.

— Отлично.

Они двинулись по дороге, которая «извивалась меж хрустальных рощ подобно серебряной змее, играющей отблесками лунных лучей». Вдоль неё тянулись фонари в форме лебедей, фонтаны в форме единорогов и скамейки в форме сердец. Каждая из них сверкала так, что хотелось закрыть глаза. Алиса считала шаги, чтобы не думать, и впервые поняла, как устают читатели, которым подавали по двадцать прилагательных на каждое существительное.

Дорога вывела их к огромному дворцу.

Он вздымался над равниной, как гигантская ледяная корона: башни, шпили, лестницы, мосты, и всё это, разумеется, сияло, как «огромный бриллиант, оправленный в чистое серебро гор». Над главным входом висела надпись из свер-

кающих букв: *«Обитель Вечной Красоты»*.

— Нам туда, — сказала Алиса.

— Не просто туда, — тихо ответил Резник. — Нам придётся срезать.

— Что?

— Прилагательные. Здесь их слишком много. Мы не найдём её, пока не очистим мир.

Алиса посмотрела на него. Он вынул из кармана кардигана маленькие ножницы в серебряной оправе. Те самые, которыми когда-то резал чужие рукописи.

— Вы собираетесь стричь воздух?

— Я собираюсь делать то, что умею. — Он слегка усмехнулся. — Сорок лет, Алиса Андреевна. Теперь пригодится.

* * *

Он начал с ворот.

— «Огромные золотые врата, украшенные тончайшей резьбой», — прочёл он вслух с воображаемой страницы и щёлкнул ножницами. — «Врата».

Золотая резьба осыпалась с решётки, как луковая шелуха. Створки стали просто железными, чуть тёмными, с облупившейся краской. Алиса вдохнула и с изумлением почувствовала, что воздух стал легче.

— Теперь вы, — сказал Резник. — Вы редактор. Сокращайте.

Она не поверила, но попробовала.

— «Сверкающий, ослепительно-прекрасный, переливаю-

щийся всеми цветами радуги хрустальный фонтан»…

— Вслух!

— Фонтан.

Громадный фонтан, который сверкал, как «сто тысяч алмазов на ладони у королевы», вздрогнул и съёжился до размеров обычной каменной чаши. Вода в нём перестала искриться и стала просто водой.

Алиса засмеялась.

— Работает!

— Конечно работает. Это моя специальность.

Они шли по дворцу и стригли.

Лестницы «из чистейшего белого мрамора, по которым струились потоки лунного света» превращались в обычные лестницы. «Сверкающие хрустальные люстры, подобные звёздам, упавшим с небес» становились простыми люстрами. «Нежные, воздушные, неземные занавеси из серебристого шёлка» опадали тряпками. С каждым щелчком мир терял вычурность и, как ни странно, становился живее. Показались трещины в штукатурке. Пятна на ковре. Облупившаяся позолота на перилах. Настоящие, видимые, несовершенные вещи.

Кристалина, всё это время следовавшая за ними, всхлипнула.

— Вы разрушаете мой дом!

— Мы его освобождаем, — мягко сказала Алиса.

— Но здесь же всё было таким красивым!

— Оно было таким, как сказали. А теперь будет таким, какое есть.

Кристалина молча смотрела на облупленную стену, на потрескавшуюся плитку, на самые обычные ступени. Потом тихо спросила:

— А я? Я тоже?

— Что «тоже»?

— Не такая, как все?

Алиса остановилась и посмотрела на девушку внимательно. На серые глаза, веснушки, чуть растрёпанные волосы, которые больше не «струились, как расплавленное золото».

— Нет, — сказала она. — Вы просто Кристалина. Это совсем неплохо.

Девушка вдруг улыбнулась. Не сияющей хрустальной улыбкой, а обычной: застенчивой, чуть кривой, настоящей.

— Спасибо, — сказала она.

* * *

В тронном зале они нашли хозяйку.

Зал был огромным, с высоким потолком, но уже без позолоты и хрусталя: просто каменный, серый, прохладный, с рядами пыльных кресел. В дальнем углу, на низком табурете, сидела женщина лет пятидесяти пяти.

Маленькая, худощавая, в клетчатом халате и тапочках. Короткие седеющие волосы, очки на цепочке, морщины у рта. Перед ней на коленях лежал ноутбук, а рядом стояла кружка с остывшим чаем и тарелка с засохшим печеньем.

— Эвелина Арктик, — сказал Резник.

Женщина подняла голову.

Алиса представляла её иначе. Властной, холёной, в бриллиантах. А перед ними сидела усталая немолодая дама, у которой под глазами залегли тёмные круги, а на халате темнело пятно от кофе.

— Виктор, — сказала она хрипло. — Вы меня нашли.

— Елена Сергеевна.

— Не называйте меня так. Меня зовут Эвелина.

— Ваше настоящее имя Елена Сергеевна Мороз. — Резник слегка наклонил голову. — Я подписывал ваш первый договор.

Женщина закрыла ноутбук и долго молчала.

— Я не хотела, чтобы вы видели меня такой, — наконец сказала она. — Здесь, внутри, я всегда красивая. Я пишу про красавиц, потому что… — Она запнулась. — Потому что хочу, чтобы хоть кто-то был красивым.

— Вы заказали отзывы на мою книгу, — тихо сказала Алиса.

Елена Сергеевна повернула к ней голову.

— Вы автор.

— Да.

— Вы моложе, чем я думала. — Она слабо улыбнулась. — Я ожидала увидеть кого-то высокомерного. Уверенного. Того, кто может позволить себе запятую вместо точки.

— Я не такая.

— Я вижу. — Женщина поправила очки. — Я читала вашу книгу. Всю. За три ночи. И на третью ночь поняла, что проиграла.

— Проиграли?

— Я тридцать лет писала красивые книги, — сказала Елена Сергеевна. — А вы написали живую.

В зале стало тихо. Дождь за окнами, которые теперь были просто окнами, стучал по стеклу размеренно и мягко.

— Я заплатила за отзывы, — продолжала она. — Не думала, что это так… на самом деле. Что слова что-то значат. Для меня это были цифры. Рейтинг. Позиция в списке. — Она сжала пальцы. — Я думала, что вы просто книга.

— Мы все просто книга, — сказал Резник. — Пока кто-нибудь не откроет.

Алиса шагнула вперёд.

— Елена Сергеевна. Мне нужно, чтобы вы остановили это. Прямо сегодня.

— Я бы с радостью. — Она горько усмехнулась. — Но не могу.

— Почему?

— Потому что я не одна. — Она открыла ноутбук и повернула экран к ним. — Фабрика больше не слушает меня. Они продолжают без приказа. «Мастер» вышел из-под контроля. Теперь они сами выбирают цели. — Она подняла на Алису усталые, испуганные глаза. — Алиса, они не остановятся, пока не сократят всю вашу книгу. До последней стра-

ницы.

На экране мигала строка. Алиса прочла её, и у неё похолодели пальцы.

«Новая цель: «Редактор для злодейки». Цель: полное удаление. Исполнитель: Мастер».

Глава 5. Мастер

— Кто такой Мастер? — спросила Алиса.

Елена Сергеевна молча подвинула к ней ноутбук. На экране был открыт чат. Серый фон, тысячи имён, и над всеми одна строка, закреплённая красным: *«Мастер. Администратор. Не писать без вызова»*. Аватарки у него не было. Только пустой квадрат цвета мокрого асфальта.

— Я никогда не видела его лицо, — сказала Елена Сергеевна. — Знаю только, что три месяца назад он вышел на меня сам. Написал: «Слышал, у вас проблемы с конкурентами. Могу очистить поле». Я заплатила. Он очистил.

— Как?

— Сначала я думала, что он просто накручивает оценки. Потом стала замечать, что книги моих соперников исчезают. Не падают в рейтинге, а именно исчезают. Одна, вторая, третья. С платформы, из поиска, из памяти читателей. Как будто их никогда не было. — Она сглотнула. — Я решила, что это совпадение.

— Это не совпадение, — тихо сказал Резник.

— Я знаю. Теперь знаю.

Он наклонился к экрану и прочёл несколько строк прокрутки. Лицо его оставалось спокойным, но Алиса видела, как у него дёргается жилка на виске.

— «Массовая жалоба», — прочёл он вслух. — «Наруше-

ние правил платформы: плагиат, запрещённый контент, нарушение авторских прав». Четыре тысячи двести заявок за ночь.

— Это что значит? — спросила Алиса.

— Это значит, что платформа получила сигнал. Если жалоб накопится пять тысяч, книгу снимают автоматически. До проверки. До разбирательства. Просто снимают. — Он поправил очки. — А когда её снимают, её читатели исчезают, отзывы стираются, а все, кто в ней живёт…

Он замолчал.

— Что? — прошептала Алиса.

— Не знаю. — Он поднял на неё глаза. — Никто не знает. Но «удалено» редко означает «спрятано».

На экране мигала цифра: *«4 812 / 5 000»*.

* * *

— Сколько у нас времени? — спросила Алиса.

— Они прибавляют по сто в час, — ответила Елена Сергеевна. — До полуночи не хватит и двух.

— Значит, нужно остановить поток.

— Я не могу. — Она сжала пальцы. — Я пыталась. Написала в чат: «Отмена». Они не слушаются. «Мастер» выше меня.

— А если не отмена, — медленно сказал Резник. — А если контрсигнал?

— Какой?

— Рекомендация.

Все посмотрели на него.

— На платформе, — объяснил он, — есть простая вещь: когда крупный автор рекомендует книгу публично, алгоритмы реагируют. Читатели идут за ним. Жалобы разбавляются. Модераторы замедляют снятие. — Он слегка усмехнулся. — Это не нарушение правил, а обычная реклама.

— От меня? — Елена Сергеевна вздрогнула.

— От вас. — Резник кивнул. — Ваше имя в эпиграфе «Хрустальной души» видят сто тысяч читателей. Если вы напишете одну строчку…

— Мою конкурентку.

— Вашу коллегу.

Она долго смотрела на раскрытый ноутбук. На пустой квадрат Мастера, на пачку неотвеченных сообщений, на мигающую цифру жалоб. Потом очень медленно, словно пробуя на вкус, сказала:

— Я не писала ничего честного лет десять.

— Тогда это хороший повод начать.

Елена Сергеевна открыла файл с рукописью, нашла первую страницу «Хрустальной души», над которой когда-то написала красивый, напыщенный эпиграф: *«Тому, чья любовь озарила эти строки светом тысяч солнц»*, и стёрла его одним движением. Подумала. Набрала новое.

«Эта книга написана красиво. Но если вы хотите прочитать живую, откройте «Редактор для злодейки». Я проиграла ей честно. Эвелина Арктик».

Нажала «сохранить».

Серые стены тронного зала дрогнули. Воздух над экраном на секунду стал густым и золотым. Цифра в чате замерла, моргнула и сдвинулась назад: *«4 790»*.

— Работает, — выдохнул Резник.

— Это только отсрочка, — сказала Елена Сергеевна глухо. — Он вернётся с новой волной.

— Тогда нам нужно быстро найти его.

— Как?

— Вы скажете, где он сидит.

Елена Сергеевна закрыла ноутбук и сняла очки.

— Не знаю, — призналась она. — Но знаю, где он начинает. Он всегда пишет из одного и того же места. Я однажды увидела отражение в его сообщении: серый кабинет, шкаф с папками и табличка на двери. «Отдел удаления».

— Отдел чего?

— Удаления. — Она грустно усмехнулась. — Звучит как шутка, правда?

* * *

Они вышли из книги так же, как вошли.

Елена Сергеевна проводила их до самых ворот, сутулая, в клетчатом халате, с ноутбуком под мышкой. Хрустальный пейзаж за её спиной уже наполовину облез: трава стала просто травой, небо просто небом, и только над горизонтом ещё мерцали последние золотые блёстки.

— Я приду, — сказала она. — Как только смогу. Мне нуж-

но разобраться с чатом. Потом я присоединюсь к вам.

— Не рискуйте, — сказала Алиса.

— Я всю жизнь рисковала только чужими героями. — Она слабо улыбнулась. — Пора попробовать собой.

Резник взял Алису за руку.

— Читаем.

— Что?

— Последнюю фразу. Она у них всегда одна. «Хрусталь звенел».

— Это же первая.

— Тоже и последняя. — Он слегка усмехнулся. — Эвелина любит симметрию.

Они сказали хором:

— Хрусталь звенел.

И мир, сверкающий, облупленный, нелепый, милый в своём простодушии, растворился в золотой пыли.

* * *

Башня Архивов встретила их тишиной.

Не обычной, мягкой, пахнущей воском, а другой: ватной, плотной, как в комнате, где только что кто-то ушёл. Алиса открыла глаза и сразу поняла: что-то не так.

— Каэль?

Никто не ответил.

Круглая комната была пуста. Стол стоял на месте. Лестницы на рельсах тоже. Но в воздухе висело странное ощущение, как будто из помещения вынесли мебель, которую не

заметили, пока не увидели пустые углы.

— Он ушёл, — сказал Резник.

— Он обещал ждать.

— Значит, что-то случилось.

Они выбежали на лестницу. Спускались быстро, почти скатываясь по ступеням, и у выхода столкнулись с Тильдой.

Девушка бежала навстречу, растрёпанная, с красными глазами, прижимая к груди пустой поднос.

— Миледи! — Она бросилась к Алисе и вцепилась в рукав. — Миледи, они пришли! Серые!

— Кто?

— Люди. В серых плащах. Они ходят по дворцу и ставят печати!

— Какие печати?

— «Удалено»! — выкрикнула Тильда. — Они ставят «Удалено» на всё! На кухню поставили, и кухня исчезла! Просто нет её! Там стена, а за стеной ничего! Мирабель побежала спасать банки, а за ней дверь закрылась, и там тоже печать!

У Алисы по спине прошёл холод.

— Где Каэль?

— Он пошёл к воротам. — Тильда тяжело дышала. — Сказал, что остановит. Я говорила, что нельзя, но он…

Алиса не дослушала.

Она бросилась по двору, мимо клумб, мимо каменных скамеек, мимо Канцелярии, на двери которой чернела жир-

ная печать с одним словом. Люди в серых плащах стояли вдоль стен, безликие, одинаковые, с капюшонами, надвинутыми на глаза. В руках у каждого был тяжёлый деревянный штамп.

Первый поднял руку и ударил по стене.

Бум.

На камне проступили красные буквы: **«УДАЛЕНО»**. Стена дрогнула, посерела, и через мгновение на её месте осталась только пустота с неровными краями, как дыра в мокрой бумаге.

— Остановитесь! — крикнула Алиса.

Серые не повернули голов.

Она добежала до ворот.

Каэль стоял посреди дороги.

Без шпаги, без плаща, с пустыми руками. Он смотрел на высокого человека в сером пальто, который стоял по ту сторону шлагбаума и спокойно, неторопливо протирал платком круглый штамп с вырезанной на нём единственной красной печатью. Лицо незнакомца скрывала тень от шляпы. Только подбородок, бритый и гладкий, и тонкие аккуратные губы.

— Алиса, — не оборачиваясь, сказал Каэль. — Не подходи.

— Это он?

— Да.

Высокий человек наконец поднял голову.

Лет сорока. Скучное, невыразительное лицо клерка, кото-

рого никто никогда не запоминал. Серые глаза без блеска. Тонкий аккуратный галстук. Он положил платок в карман, достал из внутреннего кармана блокнот, раскрыл и, не торопясь, заглянул внутрь.

— Алиса Андреевна Воронова, — произнёс он ровным голосом, словно зачитывал прогноз. — Автор. Редактор. Читатель. Вы очень сложный случай. Три статуса в одном человеке. Удалять такое неудобно.

— Кто вы?

— Мастер. — Он вежливо кивнул. — Отдел удаления. Рад познакомиться лично.

Он поднял штамп.

— К сожалению, у меня нет выбора. Вы превысили допустимую плотность. — Тонкая улыбка скользнула по губам. — А это, как вы знаете, всегда подлежит сокращению.

Глава 6. Читательский вес

Мастер не торопился.

Он стоял по ту сторону шлагбаума, подняв деревянный штамп на уровень груди, и смотрел на Алису так, как смотрят на опечатку, которую нужно убрать до сдачи номера в печать. Серый плащ его не колыхался на ветру. Шляпа не отбрасывала тени. Он казался вырезанным из бумаги и аккуратно приклеенным к фону.

— Давайте без сцен, — сказал он. — Я не люблю сцены. Они задерживают процесс.

— Какой процесс?

— Очистка. — Он слегка пожал плечами. — Рынок перегружен, Алиса Андреевна. Каждый день на платформу заходят сорок тысяч новых текстов. Сорок тысяч. Читатель не может их все осилить. Кто-то должен убирать лишнее. Я не злодей. Я санитар.

— Вы стираете людей.

— Я стираю то, что плохо читали. — Он поднял палец. — Это принципиальная разница. Если у текста нет читателей, если им никто не интересуется, если он существует исключительно в качестве нагрузки на сервер, я его убираю. Это справедливо.

— Кухня во дворце?

— Упоминалась в книге четыре раза. — Он заглянул

в блокнот. — Один раз в главе семнадцатой, одна строка. Один раз в главе двадцать третьей, почти без описаний. Два раза в эпилоге. Читательский вес: ноль целых три десятых.

— Там работают люди.

— Люди, которых вы не успели прописать. — Он вежливо улыбнулся. — Это не мой промах.

Алиса почувствовала, как у неё сжимаются кулаки. Рядом, не двигаясь, стоял Каэль, прямой, спокойный, с лицом, на котором снова появилась холодная ровная сдержанность. Но в глубине серых глаз она видела другое: гнев такой сильный, что ему не нужно было выходить наружу.

— Вы не получите ни одного из нас, — сказал он.

— Верно. — Мастер вежливо наклонил голову. — Потому что у вас, ваша светлость, слишком высокий вес. Но давайте проверим.

* * *

Он замахнулся.

Алиса не успела вскрикнуть. Штамп опустился на плечо Каэля с глухим деревянным стуком, и на тёмной ткани мундира расцвели красные буквы: **«УДАЛЕНО»**.

Все замерли.

На секунду показалось, что мир сейчас осыплется, как стена кухни. Но буквы дрогнули, заплясали, расплылись в бесформенное алое пятно и вдруг вспыхнули ярко-жёлтым. Штамп в руке Мастера треснул, и по деревянной рукоятке побежала тонкая серебристая трещина.

— Что?.. — Мастер впервые за разговор нахмурился.

Он перевернул штамп, осмотрел его и поднял на Каэля растерянный взгляд.

— Невозможно. Вес девять тысяч сто. Девять тысяч упоминаний в отзывах. «Мой муж», «моё солнышко», «моя слабость», «герцог, возьмите меня». — Он нервно перелистнул блокнот. — Это ненормально. У вас слишком много читателей.

Каэль долго смотрел на красное пятно, которое медленно таяло на рукаве.

— Я не знаю, что значат эти слова, — сказал он негромко. — Но мне, пожалуй, нравится.

Алиса не удержалась и прыснула.

— Это фанаты, — шепнула она. — Это значит, что тебя любят.

— Кто?

— Читательницы.

— Все девять тысяч?

— И каждая считает тебя своим мужем.

Каэль задумался.

— Это, по меньшей мере, неудобно, — сказал он наконец.

* * *

Мастер отступил на шаг и спрятал трескающийся штамп в карман. На лице его, до того спокойном, появилось что-то похожее на досаду.

— Хорошо, — сказал он. — Допустим, герцог слишком

популярен. Остальные нет.

Он повернулся и ударил штампом по ближайшей стене.

Бум.

Красная печать расцвела на камне, и участок стены от земли до верхнего края зубцов осыпался серой пылью, оставив в воздухе рваную дыру. Через неё виднелась пустота: ровная, белая, как чистый лист. Серые плащи на дальнем конце двора повторили движение, и ещё три пролёта стены обратились в ничто.

— Остановитесь, — сказала Алиса.

— Не могу.

— Тогда я остановлю вас сама.

— Чем? — Он слегка приподнял бровь. — У вас больше нет пера.

Алиса открыла рот и закрыла. Он был прав.

За спиной раздались быстрые шаги. Кто-то летел по двору, спотыкаясь, подбирая подол, на бегу выкрикивая что-то неразборчивое. Алиса обернулась и увидела растрёпанную девчонку в сером худи, которая мчалась к воротам с телефоном в руке, как с факелом.

— Подождите! — кричала Ксюша. — Подождите, я придумала!

Она с разбегу врезалась в Алису, едва не упала, выпрямилась, одёрнула капюшон и выпалила:

— Он ищет тех, кого мало читали, да? Значит, надо читать!

— Что?

— Вслух! — Она сунула Алисе под нос светящийся экран. — Это же как у вас в книге! Когда вы читали вслух про Тильду, он же исправил слово! Помните? Если читать вслух, то оно становится настоящим!

У Алисы перехватило дыхание. Это была правда. Именно тогда, в Хранилище Печатей, в последнюю ночь. Читали вслух, и слова становились весомыми.

— Ксюша, вы гений.

— Я просто много сижу в телефоне. — Девушка отдышалась. — Давайте. Какую страницу про кухню?

— Глава семнадцатая.

— Читаю.

Ксюша нашла страницу на экране, глубоко вдохнула и, не обращая внимания на Мастера, на серые плащи, на красные штампы, громко, чуть дрожащим голосом, начала:

— «На кухне, в самом дальнем углу, под низким закопчённым сводом, Тильда пекла хлеб. Руки у неё были по локоть в муке, на носу белело пятнышко, а в печи, пыхтя и потрескивая, поднимались румяные караваи. В воздухе пахло дрожжами и теплом…»

Мастер замахнулся.

— Прекратите.

— «…Девочки из прачечной смеялись за соседним столом, Орден чайной ложки собирал сплетни и крошки, а в окно, выходящее на двор, заглядывало утреннее солнце…»

Штамп с хрустом ударил по стене рядом с воротами. Красные буквы вспыхнули, и от стены отлетел кусок камня. Но Ксюша читала дальше, громче, и голос её окреп:

— «…и от запаха свежего хлеба даже самый хмурый стражник улыбался».

Тишина.

А потом из серой пустоты, зиявшей на месте кухни, потянуло теплом.

Не сразу. Сначала откуда-то из глубины, как из давно закрытой печи. Потом резче, ярче. Контуры стены дрогнули, замерцали, и сквозь рваную дыру проступило что-то золотистое: окно, занавеска, угол стола. Один за другим из пустоты вышли сводчатый потолок, закопчённые кирпичи, полки с мешками муки.

Кухня вернулась.

Тильда, стоявшая у ворот, вскрикнула и закрыла рот ладонями. Из кухонных дверей один за другим выбежали девушки из прачечной, повар, помощницы, и все остановились, растерянно озираясь, как люди, которые только что очнулись от странного сна.

— Что это было? — спросила одна из них.

— Не знаю, — ответила другая. — Но пахнет хлебом.

— Очень.

Мастер отошёл ещё на шаг. Лицо его побелело.

— Это невозможно, — тихо сказал он. — Вы не можете читать быстрее, чем я стираю.

— Я знаю, — сказала Алиса. — Но мы можем читать вместе.

* * *

Он ушёл так же, как пришёл: без шума, без вспышки, просто повернулся и ступил в серую дверь, которая появилась в воздухе за его спиной. Серые плащи молча двинулись следом, один за другим исчезая в узкой щели, пока двор не опустел.

Остались только следы.

Рваные края стен. Пустые пятна на камне. Красные отпечатки, в которых ещё тлел слабый свет. И толпа растерянных жителей, которые стояли у ворот, шептались и тревожно оглядывались.

Ксюша села прямо на землю.

— Я вымоталась, — призналась она. — Как будто пробежала кросс. Голос сел.

— Это цена, — тихо сказала Алиса, опускаясь рядом. — Чтение тоже требует сил.

— Он вернётся.

— Да.

— И не один.

— Тоже да.

Резник, подошедший сзади, молча подал Ксюше флягу с водой. Каэль присел рядом на корточки, и она вдруг неловко засмеялась.

— Простите, ваша светлость. Я просто… я читала про вас

столько отзывов. Мне всё ещё странно, что вы настоящий.

— Мне тоже странно, что вы настоящая, — серьёзно ответил он.

— Я могу попросить об одной вещи?

— Прошу.

— Можно… автограф?

Каэль молча взял у Тильды перо, развернул протянутый Ксюшей листок и аккуратным, ровным почерком вывел внизу: *«Каэль Аверн. Не картонный»*.

Ксюша прижала листок к груди и разревелась.

* * *

К вечеру во дворе горел костёр.

Они сидели вокруг него все, кто остался: Алиса, Каэль, Резник, Тильда, Ксюша, Мирабель, которая, как выяснилось, всё это время пряталась в подвале с банками и теперь с достоинством потребовала два стакана чаю, Вика с Ромаром, король Ориан с пирожными, Бранн, приехавший из Хранилища на ослике, и ещё десятка два человек из тех, кто не побоялся прийти.

— Итак, — сказала Алиса, расправляя тихую бумагу. — Что мы узнали?

— Он удаляет то, что мало читали, — сказал Резник.

— Его штамп не берёт тех, у кого высокий читательский вес, — добавил Каэль.

— А читать вслух возвращает то, что стёрто, — закончила Ксюша хриплым голосом.

— Значит, нам нужны читатели.

— Много, — сказала Мирабель. — Очень много. И желательно организованных.

Алиса кивнула. Она смотрела на огонь и думала о цифре в чате, которую видела в хрустальной башне: *«4 790 / 5 000»*. До полуночи оставалось семь часов.

— У нас семь часов, чтобы позвать всех, кто когда-нибудь открывал эту книгу, — сказала она. — Не тех, кто читал. Тех, кто полюбил. И попросить их прочесть вслух хотя бы одну страницу.

— Вслух, — повторила Тильда. — Но как они узнают?

Алиса посмотрела на Ксюшу.

— Вы говорили, что состоите в чате, где тысячи человек.

— Да.

— У вас есть доступ к рассылке?

— Есть.

— Тогда напишем им.

— «Мастеру»? — Ксюша испуганно моргнула.

— Не ему. — Алиса слабо улыбнулась. — Тем, кого он нанимал. Они ведь тоже читатели.

У костра стало тихо.

— Нам придётся придумать письмо, — задумчиво сказал Резник. — Достаточно короткое, чтобы его прочли. И достаточно честное, чтобы они поверили.

— Я знаю, с чего начать, — сказала Алиса.

Она взяла перо.

И на первой строчке вывела:

«Здравствуйте. Меня зовут Алиса, и я автор книги, которую вы оценили на одну звезду».

Глава 7. Письмо

Письмо писали три часа и вымарали из него всё лишнее, кроме правды.

Они сидели у костра на дворцовом дворе, на перевёрнутых ящиках и бочках, потому что стулья, как сухо заметила Мирабель, «сегодня закончились вместе со стеной». Огонь потрескивал, над ним в чугунном котле булькала каша, и от неё пахло горячим хлебом и дымом. Тильда раздавала миски. Король Ориан, не стесняясь, сидел прямо на земле, подстелив горностаевую мантию, и ел кашу с таким видом, будто это самое изысканное пирожное в королевстве.

Алиса писала. Остальные нависали над её плечом и перебивали.

— Слишком длинно, — сказала Мирабель. — Читатель сдастся на третьей строке.

— Слишком сухо, — возразила Вика. — Они же не канцелярия.

— Слишком много слов, — добавил Резник. — Режем.

— Слишком мало слов, — вставил Каэль. — Они должны понять, что это важно.

— Вы можете договориться между собой? — не выдержала Алиса.

— Нет, — хором ответили четверо.

Ксюша, сидевшая с телефоном на коленях, подняла голо-

ву.

— Можно вопрос? — тихо сказала она. — Они же не читают письма. Они читают только заголовки. Мы так работаем. Приходит задание, видишь первую строчку, нажимаешь кнопку. Всё остальное пропускаем.

Алиса замерла с пером.

— Значит, нужна одна строчка.

— Желательно такая, чтобы стало неловко.

— Неловко.

— Ага. Как будто тебя поймали.

Алиса долго смотрела на огонь. Потом осторожно положила перо и вывела на чистом листе одну фразу. Прочла вслух:

— «Я автор книги, которую вы оценили на одну звезду. Я не обижаюсь. Прочтите, пожалуйста, одну страницу вслух».

Она подняла глаза.

— Подходит?

Ксюша молча кивнула, глядя в телефон, и вдруг шмыгнула носом.

— Подходит, — сказала она. — Я бы прочла.

* * *

Полное письмо вышло коротким. Резник сократил его втрое, Мирабель выправила запятые, Вика попросила убрать слово «пожалуйста» как «слишком заискивающее», а Каэль вернул его обратно, потому что «вежливость не слабость». Получилось вот что:

«Здравствуйте. Я автор книги «Редактор для злодейки», которую вы оценили на одну звезду. Я не обижаюсь. Я знаю, что вам платят тридцать рублей за отзыв и что у многих из вас дома есть причины, по которым эти деньги нужны.

Но я хочу попросить вас об одном. Откройте книгу на любой странице. Любой. Прочтите вслух один абзац. Не для меня. Для героев, которые вас слышат.

Сегодня в девять вечера по Москве мы будем читать вместе. Если вам неловко, читайте шёпотом. Если вам некогда, прочитайте одну строчку. Если вы не верите, просто проверьте.

Спасибо. Алиса».

Они перечитали три раза.

— Отправляем? — спросила Ксюша.

— Отправляйте.

Она нажала.

На экране мигнула галочка. Потом вторая. Потом чат взорвался.

«Это кто?»

«Автор??»

«Развод, не ведитесь».

«Админы, удалите».

«Мастер, у нас тут бунт».

Через четыре секунды сообщение исчезло. На месте письма появилась серая строка: *«Сообщение удалено администратором».*

— Он следит, — прошептала Ксюша.

— Конечно, следит. — Алиса не отрывала взгляда от экрана. — Ксюша, а вы можете переслать это лично?

— Могу. Каждому.

— Сколько?

— Не знаю. Полтора часа до девяти. Я могу скинуть тысяч пять, если не заблокируют.

— Тогда начинайте.

— А если они не поверят?

Алиса посмотрела на неё.

— Тогда мы проиграем. Но я не думаю, что проиграем.

* * *

Следующий час прошёл в тихом, напряжённом ожидании.

Ксюша сидела у костра, склонившись над телефоном, и торопливо пересылала письмо. Пальцы её летали по экрану. Время от времени она шептала что-то вроде «блокировка… ещё одна… обхожу» и мотала головой. Резник стоял рядом, держа наготове запасное зеркальце. Тильда, не умея помогать иначе, молча подкидывала дрова.

Первые ответы пришли через двадцать минут.

«Вы настоящая?»

«Я сорок отзывов в день пишу. Мне сорок лет, мама болеет. Я не знала, что это кому-то больно».

«Пошла вы. Но… ладно, прочту абзац. Просто чтобы проверить».

«Моя дочка читает вашу книгу тайком от меня. Я на-

шла в её комнате. Она плакала над Лиарой. Я хотела бы прочесть вместе с ней».

Алиса читала эти сообщения вслух, и голос её вздрагивал на каждой строке. Каэль стоял рядом, положив руку ей на плечо. Мирабель отвернулась и сделала вид, что поправляет шнурок на ботинке. Король ел кашу молча, но у него дрожали пальцы.

К восьми вечера пришло триста восемь ответов.

К половине девятого тысяча двести.

К без десяти девять двенадцать тысяч.

— Это больше, чем мы рассылали, — выдохнула Ксюша, глядя на цифру. — Они пересылают друг другу. Они… они создали свой чат. Называется «Читаем вслух».

— Как называется?

— «Читаем вслух. 21:00».

Алиса закрыла глаза.

* * *

В девять вечера во дворе стало очень тихо.

Они стояли кольцом вокруг потухающего костра: все, кто был, взявшись за руки, чтобы не упасть. Кто-то держал книгу. Кто-то просто смотрел в небо. Ночь стояла тёплая, густо-синяя, и над городом висели ранние звёзды.

— Началось, — прошептала Ксюша.

Алиса ничего не услышала.

Потом, откуда-то издалека, из-за стен, из-за горизонта, из самой глубины ночи, донёсся тихий, неясный, мягкий звук,

похожий на шум моря. Сначала едва слышный. Потом громче. Он нарастал, как прилив, как далёкий хор, как множество голосов, шепчущих одно и то же на разных языках разной громкости, с разной интонацией, в разных ритмах:

«…На кухне, в самом дальнем углу, под низким закопчённым сводом, Тильда пекла хлеб…»

«…Лиара Аверн родилась в первую оттепель месяца Капели…»

«…Король Ориан Третий правил сорок лет и ел очень хорошие пирожные…»

Голоса. Тысячи голосов. Женские, мужские, детские, взрослые, звонкие, хриплые, торопливые, медленные. Они лились с неба, со стен, из воздуха, из земли, окутывали дворец тёплым гудящим покрывалом. Алиса стояла с закрытыми глазами, и слёзы катились по щекам, и она не вытирала их.

Первой вскрикнула Тильда.

— Миледи, смотрите!

Над её головой серое слово, которое весь день висело там тусклым дымом, вдруг дрогнуло. Буквы распались, закружились, сложились заново и вспыхнули тёплым золотом:

«Тильда лучшая».

Она замерла, прижав ладони к щекам.

Над королём Орианом колыхнулось слово *«слишком много пирожных»*, превратилось в *«много пирожных, и это правильно»*, мигнуло и зажглось ровным светом. Над Бранном

вместо *«картонный старик»* возникло *«мудрый старик»*. Над Викой *«ГГ ноет»* растаяло, и на его месте проступило тёплое слово *«настоящая»*.

В Канцелярии жалоб и слов распахнулись банки. Серые слова поднялись над ними облаком, закружились, сгорели и обратились в лёгкий белый пар.

— Мои банки! — ахнула Мирабель.

— Они свободны, — сказал Резник, улыбаясь.

Рваные дыры в стенах начали затягиваться. Не сразу, медленно, кольцами, как круги на воде, расходясь от центра к краям. Серая пустота съёживалась, красные печати бледнели, и из-под них, камень за камнем, возвращались знакомые очертания зубцов и башен.

Каэль осторожно взял Алису за руку.

— Ты это сделала.

— Не я.

— Ты написала письмо.

— Они прочли.

— Это одно и то же.

* * *

В половине десятого Ксюша тихо ахнула.

— Смотрите на счётчик.

Она протянула телефон. На экране мигала цифра, ровная, красная, с тех пор как они впервые увидели её, не менявшаяся ни разу:

«4 812 / 5 000»

Теперь она менялась.

«4 701», *«4 592»*, *«4 300»*, *«3 980»*.

— Они забирают жалобы, — выдохнула Ксюша. — Те, кто отправлял. Они откатывают!

«2 100», *«1 520»*, *«880»*.

Алиса не дышала.

«214». «87». «12».

Цифра замерла. Потом мигнула и погасла, а на её месте появилась короткая серая строка:

«Автоматическое снятие отменено. Произведение передано на ручную проверку. Модератор: Лена. Срок решения: до рассвета».

Все молчали.

— Это хорошо? — тихо спросила Тильда.

— Не знаю, — ответила Алиса.

— А кто такая Лена?

Ксюша медленно подняла голову. Лицо у неё стало белым.

— Модератор_Лена, — сказала она. — Одна из трёх администраторов чата. Я не знала, что она настоящая.

— Что значит «настоящая»?

— Что у неё есть реальная должность. — Ксюша сглотнула. — Она не накрутчица. Она сотрудница платформы. Она может снять книгу одним нажатием. Окончательно. Без права обжалования.

Над двором повисла тишина. Далеко за стенами всё ещё шелестели голоса читателей, но теперь они звучали тише,

будто чувствовали, что настоящий разговор только начинается.

Каэль посмотрел на небо, потом на Алису.

— До рассвета, — сказал он.

— Да.

— Это значит, что у нас есть ночь.

— Ночь, чтобы найти одну женщину и убедить её.

— Ты умеешь убеждать.

— Я умею править чужие запятые, — тихо сказала Алиса. — Это не то же самое.

Резник подошёл и положил ей на плечо тёплую ладонь.

— А я не уверен, что вы вообще нуждаетесь в других талантах.

За стенами дворца, далеко, над самой дальней башней, мигнула первая звезда.

Глава 8. Окно номер три

Дверь открылась ответом.

Алиса стояла в Башне Архивов перед маленьким столиком, на котором лежало зеркальце Резника, и смотрела на серую строку: *«Модератор: Лена. Срок решения: до рассвета»*. Внизу мигала кнопка, которую она уже научилась ненавидеть и любить одновременно: **«Ответить»**.

— Ты уверена? — спросил Каэль.

Он стоял у неё за плечом, прямой, в чёрном мундире, и в голосе его не было ни приказа, ни просьбы. Только тихое напряжение человека, который очень хочет пойти с ней и знает, что нельзя.

— Нет, — честно сказала Алиса. — Но у меня есть до рассвета восемь часов, и других вариантов нет.

— Я буду здесь.

— Я знаю.

— Возвращайся.

— Я каждый раз возвращаюсь.

Он слегка улыбнулся. Она поцеловала его быстро, почти украдкой, чтобы не растерять храбрость, и обернулась к зеркальцу. Набрала короткое:

«Здравствуйте, Лена. Я автор книги, которую вы проверяете. Можно поговорить?»

Нажала.

Мир сложился пополам.

* * *

Первым, что она ощутила, был запах.

Не воска и не пыли, а кислый, душный, канцелярский: дешёвый кофе, сырая бумага, пластик, горячий картридж принтера. Запах мест, где людям платят за то, чтобы они не думали.

Алиса открыла глаза.

Она стояла в огромном зале без окон. Потолок терялся в серой дымке, лампы дневного света мигали на длинных штангах, а вдоль стен тянулись бесконечные ряды металлических стульев, на которых сидели люди. Сотни. Тысячи. Тихие, смирные, терпеливо уставившиеся в пространство.

Слева стоял автомат с билетами. Серый, с красной кнопкой и пластиковым козырьком. Алиса, сама не зная зачем, нажала. Из щели выполз длинный бумажный язык.

№ 4811.

— Вы не торопитесь, — сказал кто-то рядом. — Очередь идёт медленно.

Это был старик в потёртом пиджаке, с бородкой и глубокими добрыми глазами. Он держал на коленях кожаную папку и аккуратно разглаживал на ней складки, будто боялся помять что-то живое.

— Давно ждёте? — спросила Алиса.

— Одиннадцать лет. — Он слабо улыбнулся. — Я поэт. У меня сборник «Осенние окна». Жалобу подали на плагиат.

Ложную. Но разбирательство… идёт.

— Одиннадцать лет?

— Ну, по здешнему времени. — Он вздохнул. — Здесь день как год. Или год как день. Я уже не уверен.

Рядом с ним сидела девочка лет шестнадцати с рюкзаком и ноутбуком на коленях. Она быстро печатала что-то, не поднимая головы.

— А вы? — спросила Алиса.

— Фанфик. — Девочка не отвлеклась. — Кто-то пожаловался на «неприемлемый контент». У меня там два персонажа держатся за руки.

— И всё?

— Они из разных фандомов.

Алиса молча сжала её плечо.

Табло на дальней стене мигало: *«Окно № 3. Следующий: № 4801»*. Алиса посмотрела на билет, потом на людей вокруг. Все они, понимала она, были такими же, как её герои: теми, кого можно удалить одним нажатием.

— Мне нужно в окно номер три, — сказала она.

— Все хотят в окно номер три, — спокойно ответил поэт. — Но туда пускают по очереди.

— Мой номер четыре тысячи восемьсот одиннадцать.

— Вам ещё десять номеров ждать.

— Сколько это?

— По три часа каждый.

Алиса прикинула. Тридцать часов. До рассвета оставалось

восемь.

— Тогда придётся идти без очереди, — сказала она и пошла вперёд.

* * *

Она не прорывалась. Просто шла уверенным шагом, ровной походкой, с видом человека, который знает, куда идёт. Двенадцать лет работы в редакции научили её одному: если вести себя так, будто имеешь право, на тебя посмотрят и не остановят.

Работало.

Охранник у входа в служебный коридор взглянул на её билет, на лицо, на запястье, тихо кашлянул и отвернулся к стене. Алиса прошла мимо, толкнула стеклянную дверь и оказалась в узком коридоре, вдоль которого шли окошки с матовыми стёклами. Над каждым светилась цифра.

Окно № 1. Окно № 2.

На окне №3 висела табличка: **«Перерыв. Вернусь через 5 минут».** Рядом, на подоконнике, стоял картонный стакан с остывшим кофе и лежала недоеденная булочка.

Алиса постучала в стекло.

— Кто там? — устало отозвался женский голос.

— Я по поводу решения.

— Сегодня не принимаю.

— Это срочно.

— Всё срочно.

— Прошу вас.

Окошко с треском отъехало в сторону.

За стеклом сидела молодая женщина лет двадцати девяти, в сером кардигане, с чёрными кругами под глазами и наушниками, висевшими на шее. Волосы собраны в небрежный хвост, на бейджике: *«Лена К., модератор»*. На столе перед ней громоздились стопки папок, мониторы мигали красными счётчиками, а рядом лежал открытый контейнер с остывшими пельменями.

— У вас пять минут, — сказала она, не глядя. — Номер?

— Четыре тысячи восемьсот одиннадцать.

— Не ваша очередь.

— Я знаю.

— Тогда зачем?

— Потому что вы сейчас смотрите в мою книгу, — сказала Алиса. — А я хочу, чтобы вы посмотрели на неё глазами.

Лена наконец подняла голову.

Глаза у неё были красными, воспалёнными, как у человека, который смотрит в экран по двенадцать часов в сутки. Она тяжело вздохнула, потёрла переносицу и устало сказала:

— Слушайте. Я не злодей. У меня шестьсот дел за смену. Восемь минут на каждое. Я не читаю книги. Я смотрю на метрики. Есть жалобы, есть рейтинг, есть флаг от администратора. Всё остальное меня не касается.

— Вы не читаете?

— Мне платят не за чтение.

— А хотели бы?

Лена замолчала.

Она долго смотрела на Алису, потом на пельмени, потом куда-то в сторону, на выцветший плакат на стене: *«Время — деньги. Решение за 8 минут»*.

— Не знаю, — сказала она наконец. — Раньше хотела. Лет пять назад. Пока не поняла, что на это нет времени.

— У вас есть время сейчас.

— Пять минут.

— Достаточно.

Алиса достала из кармана смятый листок: страницу, которую вырвала из распечатки Эльвиры. Первую страницу «Редактора для злодейки».

— Прочтите вслух. Один абзац. Не для меня.

— Это не по регламенту.

— Тогда для себя.

Лена колебалась ровно столько, сколько нужно человеку, который давно разучился читать просто так. Потом взяла листок, расправила на столе и негромко, неуверенно, как читают в пустой комнате, начала:

— «Последнее, что Алиса помнила из прежней жизни, была запятая».

Она запнулась.

— «Одна-единственная запятая в тридцать седьмой главе, которую автор упрямо ставил перед «как», будто боялся, что без неё читатель утонет в собственных мыслях».

Уголок её рта дрогнул.

— Это же у меня в курсе, — тихо сказала она. — «Автор слишком любит запятые». Мне такое в рецензиях пишут каждый день.

— Читайте дальше.

Она прочла ещё строчку. Ещё. На четвёртой Алиса увидела, как в сером коридоре что-то меняется. Стены мигнули, выцветший плакат с лозунгом ярко вспыхнул золотом и тут же погас. Из матового окна потянуло запахом, не кофе и не пластика. Лилий. Тёплого воска. Горячего хлеба.

— Что это? — прошептала Лена.

— Мир, — сказала Алиса. — Он слышит.

Лена опустила листок.

Лицо у неё было мокрым.

— Моя бабушка была корректором, — сказала она тихо. — Она тоже ненавидела лишние запятые. И всё равно ставила их. Говорила: «Читатель должен вдохнуть».

* * *

Они говорили полчаса.

Лена закрыла окошко, поставила табличку «Не беспокоить» и вывела Алису в боковую комнатку, где стояла кофемашина и висел расписанный детскими рисунками календарь. Налила два стакана. Сначала молчала, потом заговорила, быстро, не поднимая глаз.

— Я не принимаю решений, — сказала она. — Вы поймите. Ни один модератор не принимает. Нам приходит дело уже с отметкой. Красный флаг, зелёный, жёлтый. Мы просто

подтверждаем. Нажимаем «ОК».

— Кто ставит флаги?

— Отдел удаления.

— Мастер.

— Я его никогда не видела. — Лена покачала головой. — Он работает ночью. Его подпись уже стоит в системе до моей смены. Я думала, это автоматика.

Она открыла ноутбук и повернула экран к Алисе. На экране было дело «Редактор для злодейки». Рядом с названием стояла красная печать: **«К удалению».** Внизу мелким шрифтом: *«Подтверждено: Мастер. Основание: превышение читательской плотности. Решение окончательное».*

— Видите? — глухо сказала Лена. — Моя подпись нужна только для порядка. Если я откажусь, он узнает. Меня уволят. У меня ипотека.

Алиса долго смотрела на красный штамп.

— Вы можете отложить?

— Могу. — Лена неуверенно кивнула. — Есть кнопка «Пауза». На сорок восемь часов. Для случаев, когда нужен дополнительный запрос. Не часто используют, потому что отчёты…

— Нажмите.

— Он поймёт.

— Конечно, поймёт. — Алиса подалась вперёд. — Но вы получите два дня. Один раз вы можете сделать то, что считаете правильным.

Лена закусила губу.

За стеной глухо пробили часы. Она несколько секунд смотрела на экран, на красную печать, на пустую пачку пельменей, на смятую страницу с запятой. А потом, не говоря ни слова, нажала клавишу.

На экране загорелось новое слово, зелёное, мягкое, настоящее: **«Пауза. Сорок восемь часов».**

— Спасибо, — шепнула Алиса.

— Не за что. — Голос у Лены дрожал. — Мне… мне давно хотелось нажать на что-нибудь такое.

В коридоре завыла сирена.

Не громко, но настойчиво, как будильник. Лампы в комнате мигнули. Лена вскочила и в ужасе посмотрела на потолок.

— Это он, — прошептала она. — Он увидел.

— Где он?

— Этажом выше. В Отделе удаления. — Она схватила Алису за руку. — Бегите. Если застанет вас здесь…

— Лена, пойдёмте со мной.

— Я не могу!

— Можете.

Дверь в коридор содрогнулась от удара. Кто-то снаружи рывком дёрнул ручку. На матовом стекле проступил серый силуэт с поднятым штампом.

Лена схватила со стола пустую папку, прижала к груди, глянула на Алису, на дверь, и вдруг, неожиданно для себя,

улыбнулась.

— Хорошо, — сказала она. — Я давно хотела уволиться.

— Тогда бежим.

— Куда?

— К читателям.

Дверь слетела с петель.

Глава 9. Те, кого стёрли

Первый серый плащ влетел в комнату вместе с дверью.

Лена вскрикнула. Алиса схватила её за руку и рывком потянула к окну, которое, как выяснилось, выходило не на улицу, а в зал ожидания. Стекло было широкое, низкое, с поднимающейся рамой. Алиса распахнула его, перекинула ногу через подоконник и соскользнула вниз, на пол в проход между рядами.

— Прыгайте! — крикнула она.

— Я в юбке!

— Это не моя проблема!

Лена, ругаясь вполголоса, спустилась следом. Серые фигуры уже лезли в окно, неуклюжие и безликие, с поднятыми штампами. Одна из них ударила рамой по стене, и красные буквы «УДАЛЕНО» вспыхнули на штукатурке, как кровь на бинте.

— Туда! — выдохнула Алиса, показывая на проход между рядами.

Они побежали.

Зал ожидания, так тихо дремавший минуту назад, ожил. Люди на стульях поднимали головы, оборачивались, провожали глазами двух женщин, несущихся между рядами. Алиса слышала за спиной тяжёлые шаги, гулкие, ритмичные, как барабанная дробь.

— Они нас догонят, — прохрипела Лена.

— Знаю.

— Что делать?

— Не знаю!

Впереди показался знакомый старик в потёртом пиджаке. Он поднялся со стула, аккуратно сложил кожаную папку и вдруг, к удивлению Алисы, шагнул им наперерез.

— Сюда, — спокойно сказал он. — За меня.

— Леонид Аркадьевич, у них штампы!

— Я знаю, что у них. — Он слегка улыбнулся. — Я одиннадцать лет слушаю, как они стучат. Привык.

Он повернулся к серым преследователям, раскрыл папку, откашлялся и негромким, чуть дрожащим, удивительно красивым голосом начал читать:

Осенние окна дышат пылью, Клён у калитки считает дни…

Первый серый плащ остановился.

Штамп в его руке дрогнул. Красные буквы на деревянной подошве потускнели, как чернила под дождём. Преследователь повернул капюшон к поэту, постоял и медленно опустил руку.

— Читайте! — крикнул Леонид Аркадьевич в зал. — Читайте, друзья! Что у кого есть! Любое!

Секунду стояла тишина. Потом девочка-подросток с ноутбуком подняла голову, облизнула губы и звонко, торопливо выпалила:

— «Они смотрели друг на друга через полки магазина, и между ними была целая вселенная, в которой не нужно было быть из одного фандома…»

Следом, с другого края зала, поднялся мужчина средних лет с брезентовым портфелем и громко начал читать детектив. Женщина в яркой шали встала и принялась декламировать главу из любовного романа. Парень в наушниках читал рэп. Пожилая дама с клубком пряжи шёпотом читала рецепт.

Через минуту зал гудел, как улей.

Это не был хор. Это был хаос, голоса, налезавшие друг на друга, тексты, сталкивавшиеся в воздухе, странные, нелепые, живые. Но серые плащи вязли в нём, как мухи в мёде. Штампы выскальзывали из пальцев, красные буквы расплывались, не успев высохнуть. Преследователи один за другим останавливались, растерянно озираясь, и опускали руки.

Алиса стояла посреди прохода, держа Лену за локоть, и не могла поверить глазам.

— Они читают, — выдохнула Лена. — Все.

— Конечно.

— Но они же жертвы. Они в очереди на удаление.

— Именно поэтому, — сказала Алиса.

Она повернулась к поэту и низко поклонилась.

— Спасибо вам.

— Идите, голубушка, — мягко ответил он. — Мы тут справимся. Нам не впервой.

* * *

Служебный лифт находился в самом конце коридора, за дверью с надписью: **«Только для персонала».**

Лена приложила бейдж к считывателю. Створки скрипнули, разъехались. Они вошли внутрь, и Алиса нажала единственную кнопку, не пронумерованную, просто чёрную, без подписи.

— Почему вы не боитесь? — тихо спросила Лена, когда кабина тронулась.

— Боюсь.

— Не похоже.

— Я просто привыкла делать то, чего боюсь, — призналась Алиса. — В моём деле иначе нельзя. Редактор, который не боится, портит книги.

Лена слабо усмехнулась.

— Моя бабушка говорила то же самое.

— Умная женщина.

— Была.

Лифт остановился.

Створки разъехались, и Алиса почувствовала, как у неё сжимается желудок.

Перед ними тянулся длинный коридор, серый, без окон, под потолком которого гудели лампы. Вдоль стен на равных расстояниях стояли одинаковые двери, на каждой маленькая табличка: *«Сектор 1»*, *«Сектор 2»*, *«Сектор 3»*. Из-за дверей доносился ровный, механический стук: *бум, бум, бум*. Штампы. Тысячи штампов.

— Это Отдел удаления, — шёпотом сказала Лена. — Я здесь была один раз. На собеседовании. Мне велели ждать в приёмной, но я пошла в туалет и заблудилась.

— Что вы видели?

— Людей. — Она сглотнула. — Только не живых.

Они двинулись вдоль коридора. Алиса приоткрыла ближайшую дверь, и у неё перехватило дыхание.

Огромный зал, уставленный длинными столами. За каждым столом сидели серые фигуры, в одинаковых плащах, с капюшонами на головах, и методично, бесшумно ставили печати на бумаги, которые подавались по конвейеру. Лица не были видны. Но в каждом движении, механическом, одинаковом, послушном, читалась странная, безрадостная усталость. Та, что бывает у людей, которых давно перестали считать людьми.

— Они не охранники, — прошептала Алиса. — Они сотрудники.

— Удалённые, — тихо ответила Лена. — Я слышала, как говорили в коридоре. Их стирают и берут на работу. Бесплатно. Они не помнят, кто они.

У Алисы заколотилось сердце.

Она шагнула в зал. Медленно, не привлекая внимания, прошла между столами, вглядываясь в сутулые спины, в опущенные капюшоны. И на третьем ряду увидела знакомый затылок.

Тощий. Лысеющий. Чуть сутулый. С характерным крас-

ным пятном на шее, которое ни с чем не спутаешь.

— Рэй, — сказала она.

Фигура не повернулась.

— Рэй, — повторила Алиса громче. — Лакей из гардеробной. Тот, который подложил флакон в мой плащ.

Штамп в серой руке замер на полпути.

— Вы ничего не помните, — продолжала она, делая ещё шаг. — Но вам это и не нужно. Мне нужно, чтобы я помнила. Вас зовут Рэй Мартин. Вам сорок два года. У вас красный нос, потому что вы пьёте слишком горячий чай. Вы любите, когда в гардеробе пахнет лавандой. Вы боитесь собак, как Тимо. Однажды вы подарили маленькой девочке с кухни деревянную лошадку и сказали, что это секрет.

Капюшон медленно повернулся.

— Это неправда, — прохрипел тихий, севший голос. — У меня нет ничего этого.

— Есть. Просто я не успела написать.

Он поднял руку и сдвинул капюшон. Под ним оказалось лицо: тощее, небритое, с красным носом, с испуганными, тусклыми глазами. Рэй моргнул, как человек, которого резко выдернули из сна.

— Миледи, — выдохнул он. — Это вы?

— Это я.

— Я… — Он поднёс ладонь ко лбу. — Мне снилось, что я ставил печати. Что я не мог остановиться.

— Теперь можете.

Штамп выпал из пальцев и со стуком покатился по полу. По всему залу, как круги по воде, прошла волна: ближайшие серые фигуры дрогнули, обернулись, замерли. Из-под капюшонов начали выглядывать лица, юные и старые, мужские и женские, растерянные и напуганные. Кто-то вскрикнул. Кто-то опустился на стул. Кто-то тихо заплакал.

— Что вы наделали, — прошептала Лена.

— Назвала одного, — тихо ответила Алиса. — Остальные услышали.

Рэй, шатаясь, подошёл к ней и неловко сжал её руку.

— Я знаю, где он, — сказал он. — Мастер. Он сидит в конце коридора. За дверью, где стоит табличка. Я слышал, как другие шептались, что никто не видел его лицо.

— Теперь увидим.

— Миледи, не ходите. Он страшный.

— Нет. — Алиса слабо улыбнулась. — Он просто человек, которому давно никто не давал имени.

* * *

В конце коридора стояла последняя дверь.

Тяжёлая, дубовая, с блестящей медной ручкой. На ней висела табличка. Тонкая, строгая, из тех, что вешают на двери начальников:

И. П. СЕРОВ. Начальник отдела удаления.

Алиса остановилась.

Лена, Рэй и десяток освобождённых серых, которые шли за ней гуськом, молча остановились тоже. В коридоре стало

очень тихо. Только лампы гудели да где-то в глубине здания размеренно бил штамп.

— Игорь Павлович, — прочла она вслух.

Дверь за табличкой дрогнула.

— Игорь Павлович Серов, — повторила Алиса, медленно, чётко, как на экзамене. — Сорок один год. Вы работаете здесь одиннадцать лет. Вы не любите кофе, потому что он вам кажется слишком горьким. Вы не читали ни одной книги целиком с шестнадцати лет, потому что боитесь, что хорошие слова обещают то, чего не бывает.

Тишина.

— И вы очень устали.

Ручка двери медленно повернулась.

Створка бесшумно открылась.

За ней был кабинет: серый, аккуратный, с одним столом и одной лампой. На столе лежал блокнот. За столом сидел высокий человек в сером пальто, с аккуратным галстуком и круглым лицом клерка. Шляпы на нём не было, и теперь Алиса видела всё: бледную кожу, тонкие губы, серые глаза без блеска. И ещё что-то, чего не заметила раньше. Глубокие морщины у висков, как у человека, который слишком давно не смеялся.

Он поднял на неё взгляд.

— Я знал, что вы придёте, — сказал Игорь Павлович Серов.

И, не меняя тона, добавил:

— Откуда вы знаете про кофе?

Глава 10. Серые дожди

— Я не знала, — честно сказала Алиса. — Про кофе.

Серов не пошевелился. Он сидел за столом, сцепив пальцы, и смотрел на неё так, как смотрят на мину, которая не взорвалась, но тикает.

— Вы только что описали меня.

— Я попыталась.

— И попали.

— Мне повезло.

— Нет. — Он покачал головой. — Вы придумали. А потом это стало правдой. Я не любил кофе всегда. Но до вашего прихода я не знал, что это важно. — Он поднял на неё взгляд. — Вы меня пишете, Алиса Андреевна.

— Я пытаюсь узнать.

— Это одно и то же.

Алиса шагнула в кабинет. За её спиной в дверях столпились Лена, Рэй и десяток бывших серых, которые молча, заворожённо заглядывали внутрь, как дети в чужой дом. Серов скользнул по ним безразличным взглядом.

— Закройте дверь, — сказал он. — Не люблю сквозняков.

Рэй, не сразу поняв приказ, аккуратно прикрыл створку.

В кабинете стало тихо. Только лампа на столе гудела ровно, ритмично, и по стене от неё тянулась длинная тень. Алиса огляделась. Стол, кресло, шкаф с папками. На подокон-

нике, вместо цветка, стоял штамп, красивый, начищенный, с резной ручкой, как памятник чьему-то усердию. Больше в кабинете не было ничего: ни фотографий, ни картин, ни чашки с недопитым чаем.

— Вы здесь живёте? — спросила она.

— Одиннадцать лет.

— Это много.

— Не для работы, которая не заканчивается.

Он помолчал, потом достал из ящика стола два стакана и графин с водой. Налил, подвинул один ей. Движение вышло аккуратным, механическим, заученным, как у человека, который давно разучился принимать гостей.

— Давайте без вежливости, — сказал Серов. — Что вам нужно?

— Чтобы вы остановили удаление.

— Это невозможно.

— Почему?

— Потому что я не решаю. — Он поставил графин. — Я исполняю.

* * *

— Вы хотите знать, почему я это делаю, — сказал он спустя минуту. — Все хотят.

— Да.

— Это недолго.

Он откинулся в кресле и посмотрел куда-то мимо неё, в стену, словно там висело что-то, видимое только ему.

— Одиннадцать лет назад я написал роман. Фэнтези. «Серые дожди». Четыреста страниц. Я писал его три года по ночам, после работы, на кухне, пока жена спала. — Голос его не дрогнул. — Выложил на платформу. Через месяц у меня было три читателя. Один случайный, один знакомый и один, который оставил отзыв: «Скучно». Одна звезда.

— Это больно.

— Это нормально. — Он слегка пожал плечами. — Я не жаловался. Жалко было не себя, а книгу. Она осталась там, висела, никем не прочитанная, и каждый день на неё смотрели тысячи людей, которые пролистывали мимо. Это ужасно. Хуже, чем удаление.

— Вы так думаете?

— Я это видел. — Он наконец посмотрел на неё. — Неудачливая книга живёт в аду. Её не читают, но и не закрывают. Она висит, как привидение, и ждёт. Годами. Я не хотел, чтобы мои герои так жили. Я сам её удалил.

Алиса почувствовала, как у неё сжимается горло.

— А потом?

— Потом мне предложили работу в модерации. Я согласился, потому что уже знал, как это бывает. Увидел чужие книги, которые висели так же, как моя. И понял, что могу им помочь. — Он слабо улыбнулся. — Милосердие. Быстрая смерть вместо долгой.

— Вы называете это милосердием.

— А как это называть?

Алиса отпила воды, потому что иначе не смогла бы говорить.

— Игорь Павлович, — сказала она, — у вас сохранилась рукопись?

Он замер.

— Зачем?

— Хочу прочесть.

— Нет.

— Почему?

— Потому что там нечего читать. — Голос его впервые дрогнул, чуть слышно, едва заметно. — Она плохая.

— Я редактор. Я не умею врать про текст.

— Это я знаю. — Он усмехнулся. — Потому и нет.

Они молчали, и в этой тишине Алиса слышала, как за стеной бьётся сердце огромного механизма, который он обслуживал одиннадцать лет. Бум. Бум. Бум.

Потом Серов медленно, как под гипнозом, выдвинул нижний ящик стола. Достал серую папку, потёртую по углам, перевязанную шнурком. Положил на столешницу. Развязал.

— Двенадцать страниц, — сказал он. — Остальное я стёр. Эти не смог.

* * *

Она читала молча.

Алиса сидела на жёстком стуле напротив его стола, держала в руках потрёпанные листы и чувствовала, как постепенно отпускает напряжение, державшее её всю ночь. Две-

надцать страниц. Первая глава. Описание города, где всегда шёл дождь. Герой, мальчик-ремесленник, которому снилось небо.

«Дождь в Нижнем городе всегда шёл вниз, и это было единственное, что люди умели предсказывать».

Она остановилась на этой строчке, перечитала дважды.

— Серов.

— Что?

— Это хорошо.

— Вы вежливы.

— Нет. — Она подняла глаза. — Я не вежлива. Я профессионал. Это живая фраза. Её можно читать вслух.

— Вы не должны так говорить.

— Почему?

— Потому что я поверю.

— Вот и поверьте.

Он отвернулся к окну. Над его плечом тускло мерцала красная лампа. Алиса видела только затылок, прямой, неподвижный, и чуть вздрагивающие пальцы на подлокотнике.

— Здесь запятая лишняя, — добавила она, чтобы разрядить паузу. — «Мальчик, которому снилось небо». После «мальчика» не нужна.

— Я знаю.

— Знаете?

— Я двадцать раз её убирал и ставил обратно.

Алиса не выдержала и тихо засмеялась.

— Игорь Павлович, давайте я вас напишу.

Он медленно повернул голову.

— Что?

— Абзац. Один. Про вас. — Она положила листы на стол. — Не стёрть, не удалить, а написать. Как человека, который одиннадцать лет носил чужие книги, чтобы не мучились. Который сам написал фразу, от которой у меня мурашки. Который не любит кофе. — Она запнулась. — Который очень устал.

Серов сидел неподвижно.

Лицо его не изменилось. Но по виску скатилась тонкая быстрая слеза, и он поспешно вытер её ладонью, будто стряхнул муху.

— Я не заслуживаю, — сказал он.

— Не вам решать.

— Вы не понимаете…

Свет в кабинете мигнул.

* * *

Это было не просто мигание. Лампа на столе вспыхнула ярче обычного, потом погасла, потом снова загорелась красным. Со стен посыпалась штукатурка. Где-то под полом глухо ухнуло, как большой колокол, и по стеклу окна пошла трещина.

Серов вскочил так резко, что опрокинул кресло.

— Нет, — прошептал он. — Нет-нет-нет…

— Что это?

— Он слышал.

— Кто?

— «Рейтинг».

Из-под потолка раздался голос.

Не человеческий, не механический, а какой-то странный, гладкий и спокойный, лишённый всякой интонации, как у справочной службы. Он шёл отовсюду сразу: из ламп, из стен, из пола.

«Исполнитель Серов. Обнаружено нарушение процедуры. Приём посторонних в служебном помещении. Отклонение от инструкции. Основание для удаления исполнителя».

— Нет! — Серов отшатнулся к стене. — Это недоразумение! Я…

«Решение вынесено. Приведение в исполнение: немедленно».

Алиса увидела, как на плече его серого пальто, прямо на ткани, медленно проступает красная печать. Буквы расплывались, ползли, складывались в слово: **«УДАЛЕНО»**. Пальто начало бледнеть, лицо серело, как бумага под дождём.

— Игорь! — крикнула Алиса.

Она бросилась к нему, схватила за обе руки. Они были ледяными и невесомыми, как у призрака.

— Игорь Павлович Серов! — закричала она. — Сорок один год! Вы написали фразу про дождь! Вы не любите кофе! Вы десять лет носили на работу один и тот же галстук, потому что в нём вам спокойнее! Вы не читаете книги, по-

тому что боитесь, что они вас обманут! Вы живой!

Красные буквы дрогнули.

— Ещё! — выдохнул Рэй из дверей. — Миледи, ещё!

— У вас есть жена! — Алиса не знала, откуда взялось это. — Она спала, пока вы писали на кухне! Она вас любила! Вы никогда не показывали ей рукопись, потому что боялись услышать правду! Вы ждёте, что кто-нибудь скажет, что это хорошо!

Серов смотрел на неё широко раскрытыми глазами.

— Это хорошо, — повторила Алиса, уже тихо. — Игорь. Это очень хорошо.

Красная печать на пальто мигнула и погасла.

Цвет медленно вернулся в лицо. Руки стали тёплыми, настоящими. Серов тяжело дышал, прижимая ладонь к груди, и смотрел то на неё, то на потолок, откуда всё ещё доносился ровный голос.

«Конфликт приоритетов. Требуется пересмотр. Автор Алиса Воронова. Приглашаю вас на оценку. Вход через верхний этаж».

На стене кабинета, там, где только что была сплошная серая штукатурка, с лязгом раздвинулись створки. За ними блеснул свет: яркий, белый, холодный, от которого заболели глаза.

Серов, не отнимая руки от груди, прошептал:

— Он хочет вас видеть.

— Кто?

— Тот, кого я одиннадцать лет называл начальником.

Алиса посмотрела на раскрытый лифт, на Лену, на Рэя, на бывших серых, которые молча стояли вдоль стен и смотрели на неё, как на единственный выход.

— Ну что ж, — сказала она. — Давно хотела познакомиться с руководством.

Глава 11. Отличница

Лифт поднимался так долго, что Алиса успела сосчитать собственные вдохи.

Сто двадцать три. Это были самые длинные сто двадцать три вдоха в её жизни. Рядом молчала Лена, прижимая к груди пустую папку. Серов стоял у стены, прямой, как струна, и смотрел в потолок. Рэй, которого она попросила остаться с остальными освобождёнными, держал лифт нажатой кнопкой, пока не прошёл последний человек. Остальные ждали внизу.

Створки разъехались.

Алиса шагнула вперёд и застыла на пороге.

Зал был круглым и огромным, как собор. Купол его терялся высоко в тёмной глубине, и по стенам, ярус за ярусом, до самого верха, тянулись бесконечные полки, на которых стояли тысячи тысяч книг. Белых, чёрных, красных, золотых, одинаковых и разных. Над ними медленно, величественно проплывали светящиеся цифры: рейтинги, оценки, счётчики прочтений.

В центре зала, на круглой площадке, стоял школьный стол. Самый обыкновенный: светлое дерево, откидная крышка, чернильница. За ним сидела девочка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.